

Эта почти детская, капризная привязанность на мгновение озадачила Е Цзыси, но тут же он понял: этот ребёнок, должно быть, услышал слова врача!

Присмотревшись внимательнее к плотно сжатым губам ребёнка, слегка раздувшимся ноздрям и всё более тусклым глазам, он всё понял.

— Не волнуйся. Я сказал, что возьму тебя с собой, и не брошу. Тебе нужно хорошо поправиться, чтобы отправиться со мной, понял?

Е Цзыси мягким тоном попытался успокоить мальчика. Хотя он понимал, что тот, возможно, в своём состоянии не воспринимает слова, но всё же терпеливо уговаривал.

Услышав это, Сяо Цзюньи резко закрыл глаза, делая вид, что усердно отдыхает, но рука так и не разжалась.

Два сустава сжались так крепко, что впились в ладонь, прежде чем он окончательно погрузился в глубокий сон.

Получив ранения и будучи ещё ребёнком, он не продержался долго и быстро уснул. Е Цзыси пошевелился, пытаясь размять затёкшее от долгого сидения тело, но, когда попытался встать, обнаружил, что рукав зажат, и он не может двигаться.

Он посмотрел вниз: мальчик по-прежнему крепко держал кусок ткани, слегка нахмурившись из-за его попытки освободиться, но не просыпаясь, лишь беспокойно спал.

Е Цзыси оказался в затруднительном положении. Он хотел разжать руку мальчика, но боялся, что его сверхъестественная сила может случайно сломать кости, и на мгновение заколебался.

— Повелитель, все дела здесь завершены. Вы планируете вернуться в орден или...?

В этот момент в комнату вошла Ли Юэ.

Открыв дверь, она вошла, неся с собой порыв холодного ветра. Несмотря на скрытую, но ощутимую убийственную ауру, в ней не было ни капли женской слабости или кокетства, а скорее исходило ощущение, будто тебя пронзают холодом.

— Мм? Как раз вовремя. Помоги мне его освободить.

Е Цзыси даже не поднял головы, лишь слегка сжался от холодного ветра, но больше не обратил на это внимания, продолжая сосредоточенно смотреть на Сяо Цзюньи.

Ли Юэ на мгновение замолчала, протянув руку, чтобы освободить его, но Е Цзыси добавил:

— Только не разбуди его, он с трудом уснул...

В её холодных, как лёд, глазах мелькнуло удивление, но она ничего не сказала. Вспышка меча, и лёгкий звук разрыва ткани — кусок красной материи мягко упал, покорно повиснув сбоку, лишь края ещё трепетали.

Е Цзыси опешил от её поступка. Он лишь хотел, чтобы она действовала аккуратнее, но этот человек из древности, видимо, был... слишком прямолинейным...

— Есть ли поблизости наши владения?

После паузы Е Цзыси повернулся к ней. Его голос был таким же холодным, как всегда, словно та редкая нежность и забота были лишь мимолётным впечатлением.

Возможно, это действительно было лишь иллюзией.

— В Даньяне есть ещё одно отделение, но путь туда и обратно займёт месяц, а через месяц истекает трёхмесячный срок. Вам лучше... остаться в ордене.

Какой трёхмесячный срок?

О каком сроке идёт речь?

Е Цзыси был озадачен, но выражение лица Ли Юэ было настолько холодным и отстранённым, словно её эмоции заморожены льдом, что он не мог понять, что она имела в виду, и не осмелился спросить.

— Тогда вернёмся.

Он резким движением развернулся и направился к выходу. Широкие рукава развевались, создавая яркое и почти ослепительное зрелище.

Обратный путь прошёл относительно спокойно. Ли Юэ заботливо купила ему различные виды слив, наполнив ими маленький потайной ящик, что помогло немного успокоить тошноту. По крайней мере, он не выглядел таким беспомощным, как на пути сюда.

Проснувшегося Сяо Цзюньи заботливый Хань Фэн сразу же уложил в карету Е Цзыси. Ребёнок, только что получивший серьёзные ранения, действительно не был готов к тряске верхом.

Едва оказавшись в карете, мальчик слегка удивился, широко раскрыв глаза, словно не мог понять, что видит перед собой.

Е Цзыси с каменным лицом держал в левой руке фарфоровую чашку, а правой аккуратно взял кусочек пирожного с тарелки, но случайно приложил слишком много силы, и нежный десерт рассыпался в порошок. Он осыпал стол, словно белый песок на красном деревянном столике, создавая резкий контраст.

Его рукав тоже не избежал участи: на нём остались крошки, которые катились туда-сюда при его движениях. Он слегка разочаровался, его холодные глаза мелькнули, и он отвернулся, а на щеках появился лёгкий румянец.

Просто... глупо...

Учиться контролировать свою силу в одиночку — это одно, но теперь это увидел кто-то другой, да ещё и ребёнок. Даже его многолетняя бесстыдность не выдержало.

Но прежде чем он успел что-то сказать, чтобы разрядить обстановку, в его поле зрения внезапно появилась ещё одна тонкая детская рука, аккуратно собравшая крошки в кучу. Движения были медленными, но ловкими.

Е Цзыси сидел неподвижно, наконец получив возможность внимательно рассмотреть ребёнка. Тот и так был красив, но к этому добавлялась некая зрелость, не свойственная его возрасту. Розовая молодая кожа на щеках слегка портила общее впечатление, но в целом он был приятен на вид.

— Ты помнишь своё имя и откуда ты?

Долго глядя на мальчика, который оставался спокойным, Е Цзыси первым не выдержал и заговорил.

Правая рука Сяо Цзюньи была сломана, и теперь он мог едва двигать ею. После таких незначительных действий он почувствовал резкую боль, но всё же, не меняя выражения лица, закончил уборку стола, прежде чем поднять голову.

Только выражение его лица стало ещё более безэмоциональным и загадочным.

— Не помнишь? Согласно данным, тебя раньше звали А Юнь. У тебя совсем нет воспоминаний?

Е Цзыси подпёр щеку рукой, заметив, как пальцы мальчика, спрятанные под рукавом, слегка дрожат.

Нахмурившись, он хотел схватить его, чтобы проверить раны, но его рука, инстинктивно протянутая, остановилась в пальце от мальчика. Он смущённо отдернул её, но на полпути её перехватили.

Руки Е Цзыси были красивыми. На самом деле, в нём не было ни одного изъяна, особенно эти длинные, изящные пальцы, белые, как фарфор, словно произведение искусства.

Теперь его руку держала рука чуть меньше. Контраст между цветами кожи был настолько резким, словно это была граница между двумя реками, которые никогда не смешиваются.

Рука была маленькой, лишь чуть больше детской, и она не могла полностью охватить его ладонь. Мальчик, опустив глаза, посмотрел на неё, слегка разжал пальцы и вместо этого ухватился за указательный и средний пальцы. Теперь это было идеально.

Е Цзыси на мгновение замер, инстинктивно потянув руку назад, но услышал тихий стон мальчика. Его и так бледное лицо стало ещё блее, нижняя губа была крепко сжата и слегка побелела, а на лбу выступил холодный пот.

Чёрт, он использовал правую руку!

Но даже в таком состоянии пальцы мальчика продолжали сжимать его руку, и он почувствовал лёгкую боль. Для повреждённой правой руки ребёнка это должно было быть невыносимо.

— Не двигайся, отпусти!

Редкий резкий тон, но он несколько не испугал Сяо Цзюньи. Только когда Е Цзыси намеренно ослабил хватку, позволив руке мягко опуститься, словно давая себя мять, мальчик остановился в этом почти саморазрушительном поведении.

— Даже если ты действительно временно нем, можешь сообщить мне об этом другим способом, нет нужды так себя истязать.

Е Цзыси посмотрел на это каменное лицо и с лёгким вздохом покачал головой.

Ни побить, ни поругать, ни объяснить — он, похоже, набрал себе в хозяева настоящего предка...

Он закрыл глаза и погрузился в дремоту.

Даже самые кислые сливы не могли перебить тошноту, поднимающуюся из глубины горла, но после испуга, вызванного этим малышом, он забыл об этом.

Похоже, в следующий раз нужно будет найти другой способ отвлечься.

Убедившись, что он заснул, Сяо Цзюньи слегка расслабился и отпустил его пальцы. Боль в правой руке стала почти невыносимой, каждый нерв и каждая клетка кричали о боли.

Он с облегчением откинулся назад, и его левая рука, всё это время спрятанная в рукаве, разжалась. Мелькнула слабая серебряная вспышка, и он спрятал её глубже в рукав. Спина уже была мокрой от пота.

Потеря памяти — правда, потеря речи — тоже, и хотя этот красивый, почти нереальный мужчина сказал, что хочет взять его с собой, врождённая осторожность, заложенная с детства, не позволяла ему доверять незнакомцу.

И... никто не будет добр к тебе без причины...

Он не помнил, кто это сказал, но это не мешало ему постоянно напоминать себе об этом.

Даже если он спас ему жизнь.

Даже если сейчас на его груди, у самого сердца, лежал этот кусок красной ткани.

Даже если этот человек никогда не говорил ни одного резкого слова и не проявлял ни капли отвращения.

Только что, если бы Е Цзыси показал хоть малейший намёк на враждебность, эта стальная игла точно вошла бы в его сонную артерию.

У автора есть что сказать:

Е Цзыси: Маленькая Луна, ты намекаешь, что мне теперь приходится предпочитать мужчин?

<http://bllate.org/book/17706/1653939>